

«Это был интеллигентский район...»: Ностальгические репрезентации прошлого в воспоминаниях жителей района Западная Поляна г. Пензы

Роман Абрамов

*Мы родились в тесных квартирах,
В новых районах
В. Цой*

Оblick большинства российских городов, изрядно поменявшийся на волне строительного бума 2000-х, по-прежнему определяется архитектурно-планировочными решениями, заложенными в период массовой застройки шестидесятых. Именно тогда, во-первых, были приняты генеральные планы городского развития, предопределившие типы и структуру городской застройки, во-вторых, разработаны типовые технологические и планировочные решения жилых и гражданских зданий, ставшие точкой отсчета при проектировании на долгие десятилетия и, в-третьих, на оттепельные и постоттепельные 1950-60-е годы пришлось по-настоящему массовое строительство жилья, объектов социальной инфраструктуры, промышленности: «В 1960 году было построено 82,8 миллиона квадратных метров жилья, тогда как в 1956 году вдвое меньше – 41 миллион» [Торба, 2009]. До сих пор почти на всем пространстве бывшего СССР городские ландшафты невыра-

«Это был интеллигентный район...»

зительной застройки схожи – это панельные и кирпичные пяти- и девятиэтажки, типовые школы, типовые дома культуры. По мнению В. Каганского, советский ландшафт вообще «несет в себе следы урбанизации, индустриализации и массовизации» [Каганский, 2001. С. 136]. Лучше всего доминирование оттепельного конструктивизма заметно в относительно небольших городах, ставших в период реального социализма ¹ крупными промышленными, научными центрами – будь то Невинномысск, Сестрорецк, Навои, Академгородок или Пенза. Известный журналист и эксперт в области архитектуры Г. Ревзин констатирует:

Специфика хрущевского времени в архитектуре заключается в том, что это был последний поход Москвы на Россию. А вот такая застройка основная, если она как бы есть такая, то она хрущевская. И соответственно, очень много у нас в малых провинциальных городах – Калязин, Воронеж, какие-то такие – вот там видно, что цивилизация туда в последний раз приходила, такая большая, с Хрущевым, вплоть до автобусных остановок, рынков, кинотеатров [См.: Архитектура от Сталина до Хрущева, 2010].

И если в Москве пятиэтажные панельные дома активно сносятся, освобождая место для многоэтажных новых строений, то в большинстве областных и районных центров массовая советская застройка еще долго будет оставаться основой жилого фонда. Кварталы массовой застройки 1950-60-х годов стали личным пространством уже для нескольких поколений жителей России. Интерес к хрущевкам не только как убогому жилью, но как грандиозному проекту переустройства повседневной жизни миллионов граждан СССР нашел отражение в популярных медиа. На канале «Россия» в рамках цикла «Советская империя» вышел документальный фильм Елизаветы Листовой «Советская империя. Хрущевки» (2009 год, Россия-24/Вести), где рассматривается история проектирования первого массового отдельного жилья. Появились и пуб-

¹ Эпохой реального социализма в восточноевропейских странах принято называть постсталинский период и, особенно, время застоя, начавшееся по разным оценкам вместе с приходом к власти Л.И. Брежнева в 1964 г. или введением войск Варшавского договора в Чехословакию в августе 1968 г. В этот период наметились разочарование населения в коммунистической идеологии, экономическая стагнация и общий культурный и духовный кризис. Мечты о близком коммунистическом рае навсегда покинули страны реального социализма.

ликации, авторы которых ностальгируют по тесному, но уютному быту пятиэтажек [См.: Борисенко, 2007].

Сегодня вокруг советской программы массового жилищного строительства и самих пятиэтажек сложилась целая мифология, связанная с оценкой социальной и экономической политики пост-сталинского социализма. Позитивный миф о «решении жилищной проблемы» призван продемонстрировать реальные и мнимые успехи советской власти в росте благосостояния и качества жизни граждан СССР. Признавая конструктивные и архитектурные недостатки пятиэтажного строительства, сторонники позитивного мифа подчеркивают, что впервые за весь советский период страна вплотную приблизилась к решению проблемы обеспечения населения относительно комфортным отдельным жильем ¹. К тому же в условиях послевоенного восстановления экономики по-другому, кроме как с помощью максимального удешевления и типизации архитектурно-строительных решений, эту проблему решить было невозможно.

Соответственно массовое строительство заносится в список социальных достижений советской власти. Негативный миф об «унылых тесных хрущёбах» строится на последовательной критике эргономики, архитектуры и экономических оснований массовой пятиэтажной застройки. Архитектурные решения признаны неудачными, скучными, создающими тоскливую однообразную среду. Эргономика подъездов и квартир, построенная на принципах максимальной экономии, считается противоречащей принципам комфортного проживания, хотя эргономические решения разрабатывались научно-исследовательскими институтами с учетом принципов физиологии человека ². Экономические основания, создавшие распространенное представление о «дешевизне» пятиэтажно-

¹ Новый быт образцово-показательного район панельной застройки «Черемушки» был воспет Д. Шостаковичем в опере «Москва, Черемушки» (1960 год), а также в музыкальной кинокомедии Г. Раппапорта (1962 год), снятой по мотивам этой оперы.

² Борьба за экономию пространства в первые годы пятиэтажного строительства принимала почти анекдотические формы: «В феврале 1957 г. на заседании Ленгорисполкома обсуждался вопрос о том, как бы удешевить процесс возведения уже строящихся домов. В результате бурной дискуссии решено было отказаться от балконов, паркета и декорирования лестничных площадок. За счет этого проектировщикам удалось расширить ведущий в кухню коридор до 90см! Можно предположить, что уже тогда закладывались предпосылки для возникновения анекдота о кухне, которая среднестатистической советской женщине была узка в бедрах». [См.: Лебина, 2003].

го строительства, не учитывали затрат на возведение домостроительных комбинатов и последующее обслуживание жилого фонда. Отчасти поэтому вместо реконструкции пятиэтажного жилого фонда в Москве было принято решение о его сносе и замене современным жильем¹. И сторонники и противники программы массового строительства периода оттепели признают, что пятиэтажки, наряду с космическими полетами и чтением стихов в Политехническом музее, стали символом эпохи, которую можно считать последней попыткой социалистического прорыва в прекрасное будущее. Например в известном телевизионном и издательском сериале Л. Парфенова «Намедни. Наша Эра» хрущевкам отводится важное место: «это первое в истории страны массовое городское отдельное жилье» [См.: Парфенов, 2009. С. 12-13].

Но в этой статье меня интересуют не эргономические, экономические или архитектурные аспекты массового жилищного строительства периода оттепели. Я сконцентрируюсь на обсуждении того, в какой степени типовое жилое пространство, воспроизведенное в сотнях схожих примерах, может стать объектом ностальгии и социальной памяти.

В публицистике и мемуаристике пятиэтажки уже стали неотъемлемым объектом производства коллективных воспоминаний о 1960-1970-х годах, также как пространство коммунальной квартиры чаще всего соотносится с 1930-х – началом 1950-х годов, а деревянные дачи в стиле *art nouveau* – с закатом Серебряного века. Малогабаритная кухня типовой пятиэтажки стала обязательным элементом оттепельной интеллигентской мифологии:

Барды-шестидесятники часто вспоминали об «интеллигентских кухнях» в стандартных «хрущевках», где умные, а главное – честные интеллигенты, назло бдительному КГБ, обсуждали самиздат, вели бесконечные споры о правде, справедливости, России [Соколов, 2007. С. 74-111].

Другое дело, что уход в приватное чаще был связан не с «подпольной революционной работой», а с реализацией базовых потребительских желаний:

¹ На протяжении всей второй половины 2000-х гг. профильная строительная пресса неоднократно с оптимизмом констатировала близкий конец хрущевской застройки в Москве. Предполагалось, что в последней панельной пятиэтажке первых серий будет размещен музей [См.: Данышин, 2007]. На деле всё получилось иначе, и даже в Москве еще можно встретить кварталы, застроенные панельными домами первых серий, а программа их сноса продлена до 2014 года.

Наша семья из четырёх человек, ютившаяся в 9-метровой комнате, была на седьмом небе от счастья, получив ордер на двухкомнатную квартиру в Кузьминках. Вселение было радостным — 30 метров жилой площади, две смежные комнаты. Своя (!) кухня — ерунда, что 5,5 метра. Можно забыть о туалете во дворе и каждый день принимать душ и ванну [Максимова, 2006. С. 19-20].

Локальное и любительское краеведение сегодня конкурирует с академической исторической наукой и является не только формой проведения досуга, но и значимым фактором формирования социальной идентичности и гражданского общества. М. Немцев называет краеведение «изобретением истории», где местная история вступает в сложные отношения с аутентичностью, а плотная ткань исторической памяти повышает состоятельность места как обитаемого пространства:

Поэтому историческое краеведение как источник жизневорящих смыслов, буквально источник энергии естественным образом оказывается востребованным в ситуации перехода российского обитаемого пространства от имперского состояния к какому-то другому [Немцев, 2010].

Конечно, заметнее всего роль локального краеведения в городах, имеющих серьезное историческое и архитектурное наследие, ценность которого признается экспертным сообществом и широкой общественностью. В этих случаях борцы за исторический облик городского пространства и краеведы-любители могут выступать в качестве лидеров и идеологов гражданских и политических движений. Наиболее глубоко связь между борьбой за сохранение архитектурного наследия и формированием гражданского общества показана в масштабном исследовании Б. Гладарева, показавшего как ленинградские, а затем петербургские краеведы и любители старины способствовали гражданской мобилизации [См.: Гладарев и др., 2004; Гладарев, 2011]. Одновременно, в последние десятилетия возникла новая ветвь локального краеведения, тесно переплетенная с ностальгическими воспоминаниями о недавнем прошлом и воображаемому возвращению в пятидесятые, шестидесятые семидесятые годы. Одним из примеров подобного краеведения является сайт московских краеведов-любителей «Северяне. Бескудниковская ветка», авторы которого на протяжении многих лет воссоздают быт и историю одного из московских спальных районов послевоенной застройки:

Случайно найденная в Интернете подборка фотографий Бескудниковской ветки Института Пути и Строительства Народного комиссариата путей сообщения СССР побудила нас не единожды повторить маршруты авторов старых снимков и сравнить современные пейзажи с теми, что были запечатлены в шестидесятые-восьмидесятые годы прошлого века [См. Северяне...].

Происходит музеефикация позднего советского времени, а молодые краеведы интересуются брошенными советскими предприятиями, районами панельной застройки и пропагандистскими панно, кое-где оставшимися от СССР.

Внимание социальных наук к феномену коллективной и социальной памяти имеет длительную историю. Социологическую традицию изучения коллективной памяти обычно рассматривают, отталкиваясь от работы Э. Дюркгейма «Элементарные формы религиозной жизни» (1912), трудов М. Хальбвакса, а также М. Блока и позднее Э. Эриксона. Кроме того в работе Ф. Тенниса также можно обнаружить указание на роль памяти в производстве сообщества [Хальбвакс, 2007; Bloch, 1925. P.73-83; Теннис, 2002; Erikson, 1959].

Настоящий ренессанс подобных исследований начался около двадцати лет назад, когда народная история, этнография и краеведение стали заметны на фоне академической исторической науки [по теме генезиса исследований социальной памяти в социологии см. фундаментальный обзор Дж. Олик и Дж. Роббинс: Olick, Robbins, 1998. P. 105-140], а горько-сладкая ностальгия по недавнему прошлому явилась отражением важных трансформаций сознания современного индивида. Как показывает Ф. Дэвис, это «ностальгический диалог» между прошлым и настоящим «всегда скрывает в себе некоторый риск» уступок меланхолии или депрессии. Жесткость исследовательской перспективы ностальгии у Ф. Дэвиса проходит сквозь его утверждение, что ностальгическая «точка зрения в диалоге стремится встать на неизбежное заключение превосходства времен и вещей прошлого» [Davis, 1979. P. 16].

Е. Рождественская и В. Семенова считают, что в современных социальных науках нет единого понимания памяти, поскольку существуют терминологические расхождения между понятиями «культурная память»¹, «социальная память», «коллективная память» и «коллективные представления». Сами исследователи определяют

¹ М. Штаркин определяет культурную память как используемую вне формального исторического дискурса и тесно переплетенную с культурными продуктами и погруженную в культурные смыслы [Sturkin, 1997].

социальную память как то, что «реконструируется локальной группой по поводу пережитого опыта». В этом отношении социальная память поддерживает групповые идентичности [Рождественская, Семенова, 2011. С. 27-48]. Критики исследований коллективной и социальной памяти полагают, что результаты такого анализа не поддаются историческому обобщению, методики сбора информации недоработаны, границы между индивидуальной и коллективной памятью не определены, а сам термин социальной памяти зачастую используется как простая замена понятий «мифа» и «традиции». Кроме того подобные исследования слишком часто погружены в медийный контекст создания упрощенных стереотипов прошлого [пример исторической критики см.: Kansteiner, 2002. P. 179-197].

Любительская география, краеведение, антропология и интерес к культуре недавнего прошлого сплавляются в особый взгляд горожанина на историю пространства, в котором он живет. И социальная память прорастает даже там, где мы имеем дело со стандартизированной городской застройкой, ничем не примечательной для внешнего наблюдателя. Например, О. Балла считает невозможным появление узлов социальной памяти на унылом поле хрущевско-брежневской застройки спальных районов:

«новостройки» от пятиэтажек до серо-белых по общей окраске городских пространств типа Чертанова, Зюзина, Бибирева, Тёплого Стана... (рубеж 1960-1970-х) задали человеку, поселённому в них, новую повседневность и новые душевные ритмы. Это были «беспамятные» здания и пространства, «здания с отшибленной памятью» [См. Балла-Гертман, 2006].

Как именно это происходило, мы и рассмотрим далее.

Западная Поляна – пензенские «Черемушки»

Данная статья основана на вторичном тематическом дискурсе-анализе транскриптов интервью с жителями одного из районов г. Пензы – Западной Поляны. Эти интервью на протяжении 2010-2011 годов публиковались в областной еженедельной газете «Улица Московская» в рубрике «Краеведение»¹. Инициаторами этого

¹ Я также принял участие в этой рубрике в качестве информанта. См. Абрамов Р. Западнополянский форпост урбанизации // Улица Московская. Еженедельная газета, июль 2011, №400 // http://www.ym-penza.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=3090:400-&catid=35:-

краеведческого медиапроекта стали главный редактор газеты И. Мануйлов и молодой пензенский историк и журналист Е. Белохвостиков, которые в разные годы являлись жителями микрорайона Западная Поляна. В настоящее время публикация воспоминаний жителей района Западная Поляна г. Пензы продолжается, в открытом доступе находится более 30-ти нарративов, средний объем одного интервью 12-16 тыс. знаков. Необходимо отдельно подчеркнуть, что информантами являются две группы: пенсионеры – представители местной интеллигенции (инженеры, преподаватели вузов, управленцы, журналисты), получившие жилье в новом районе как молодые специалисты в период 1959-1965 годов, а также дети первого поколения жителей Западной Поляны (годы рождения – 1962-1975).

Разница поколений важна в контексте анализа воспоминаний, так как предопределяет различия в оптике рассмотрения прошлого, что проявилось и на примере этого корпуса нарративов. Судя по предоставленным в публикациях биографическим данным, судьбы «поколения детей» первых поселенцев Западной Поляны складывалась не столь однозначно: их отрочество и юность пришлось на невнятное время застоя, молодость – на перестроечные восьмидесятые, а профессиональное и личностное становление – на девяностые, когда сломались привычные институты социальной мобильности. В этих условиях стандартная биография советского инженера, журналиста или офицера стала невозможной – требовалось маневрирование в потоке происходящих изменений, а поэтому информанты младшего поколения Западной Поляны уже не могут так ясно сказать, кем одни являются в первую очередь – музыкантами, бизнесменами, радиожурналистами или учеными. Их карьерный путь извилист, а оценка окружающего не так прямолинейна, как у поколения оттепельной интеллигенции.

Сначала я принял участие в проекте в качестве информанта [Абрамов, 2011], а потом меня заинтересовали устные истории о становлении локальной социокультурной идентичности в период массового городского строительства 1950-70-х годов.

До середины 1950-х Пенза оставалась провинциальным губернским центром, каким она сложилась в течение XIX века. Экономический и социально-демографический профиль современной Пензы стал результатом действия двух исторических факторов: эвакуации предприятий и организаций во время Великой Отечественной войны и оттепельной социально-экономической политики массового строительства и промышленного развития. Всё послевоенное время происходил быстрое увеличение населения города, которое с 160 тыс. чел. в 1939 году выросло к 1970 году более чем вдвое. Рост количества

городских жителей стабилизировался только в 1980-е годы на уровне 510–530 тыс. чел. – примерно такова численность населения Пензы и в 2011 году. Размещение предприятий среднего машиностроения и многочисленных отраслевых НИИ с ориентацией на разработки для нужд ВПК предопределил социально-профессиональный состав городских жителей послевоенной Пензы: это были представители инженерно-технической интеллигенции и рабочие высокой квалификации. Система вузовского распределения способствовала привлечению в Пензу молодых специалистов из других городов. Промышленный и научно-технический расцвет пришелся на 1960-е – первую половину 1970-х годов, за которым последовала унылая стагнация 1980-х и быстрый распад сложившейся структуры занятости в 1990-х. Таким образом, эра благополучия массовой советской интеллигенции была недолгой – охватывающей двадцатилетие с 1960-го по 1980-й годы.

Район Западной Поляны стал первой площадкой реализации комплексной массовой застройки Пензы. До начала строительства на этой пригородной территории находился лесной массив, ипподром и областная сельскохозяйственная выставка. Строительство нового района началось в 1958 году, и в 1960 году уже было сдано первых два дома. В отличие от московских Черемушек, застроенных панельными пятиэтажками лагутенковской серии, на Западной Поляне возводились кирпичные четырех-пятиэтажные двух-трехподъездные дома по проекту ГИПРОГОРа:

Планировку района заказывали в Ленинграде. А где конкретно какие дома строить, решало городское управление градостроительства и архитектуры. Привязка к местности, какой серии дом, сколько в нем квартир и подъездов, какая этажность – все это разрабатывали специалисты «Пензгражданпроекта». Западнополянские хрущевки – это дома 447-й серии¹. Их типовой проект разработал в 1958 году московский институт

¹ Тип дома – кирпичный; этажность – 3-5; высота жилых помещений – 248 см; несущие стены – продольные толщиной 380 мм; наружные стены – кирпич силикатный и/или глиняный обыкновенный, 510мм; перекрытия – панели круглопустотные, преднапряженные 220 мм; как правило, снабжены всеми видами коммуникаций, но довольно часто встречаются варианты с газовыми колонками; крыша четырехскатная, водоотвод наружный; квартиры – 1,2,3,4 комнатные; производитель – местные стройматериалы; годы строительства – 1958–1970-е гг.; города распространения – общесоюзная серия; разработчик: Гипрогор, 1958 год; архитекторы: Дюбек Л., Белоконь А., Звезда Т., Ефимова В.; инженеры: Розенберг Я., Дидина М., Шапиро Б., Сухова А. Источник: <http://mgsupgs.livejournal.com/192551.html>.

«Это был интеллигентный район...»

«Гипрогор»¹. Первыми на Западной Поляне строили четырехэтажки, там высота потолков была в основном по 2 м 70 см. Потом, в пятиэтажках, по 2м 48см – 2м 50см. Надо признать, 447-я серия была не очень-то удобная. Но в ней существовала потребность (А. Рыков, руководитель СМУ, строившего район).

К 1964 году основная часть района была построена, в дальнейшем она стала называться Старой Западной Полянкой, поскольку в период 1967-1973 годов в сторону леса был построен микрорайон пятиэтажных кооперативных домов из силикатного кирпича, получивший название Новой Западной Поляны. В локальной неофициальной топонимике середины 1970-х годов:

В середине 60-х начали строить дома не только ведомственные, но и кооперативные (например, на ул. Пацаева, 13). Но в основном кооперативы – это уже Новая Западная. Отсюда и пошло шуточное разделение района. Старую Западную, «государственную», стали называть ГДР². А Новую, «кооперативную», – ФРГ. И примерно первые лет десять был обычным разговор: «Ты где живешь?» – «На Западной!» – «А где, в ГДР или ФРГ?» (В. Битюцкий, инженер).

Сравнение двух Германий было важным компонентом советской пропаганды, где ГДР являлась витриной достижений социалистического строя. При этом уже с конца 1960-х годов «приемник Грюндиг» и другие западногерманские товары, попадавшие в СССР, рассматривались как недостижимый идеал общества потребления:

ГДР и ФРГ – так в 80-х называли в народе Старую Западную и Новую Западную Поляны. Вроде бы и один район. Но как бы и не совсем один. Брежневки на Новой Западной, построенные в 70-80-х, все-таки посовременнее и покомфортнее хрущевок. Комнаты хотя бы изолированные. На Новой Западной имелись

¹ Сегодня это Российский институт градостроительства и инвестиционного развития «Гипрогор». <http://www.giprogor.ru>.

² Старая Западная Поляна получила шуточное именование «ГДР», а Новая Западная Поляна – «ФРГ»: если в первом случае почти все квартиры были ведомственными и бесплатно предоставлялись государством, то во втором преобладала кооперативная застройка, финансирование которой осуществляли будущие жильцы. Соответственно Старая Западная Поляна – плод социалистического распределения жилья, а Новая Западная – результат «капиталистической» активности горожан.

и другие «буржуазные» удобства: ресторан «Сосны», гостиничный комплекс «Ласточка» (С. Пономарев, радиожурналист).

До середины 1990-х годов на территории Западной Поляны крупной застройки не велось за исключением 3-4-х зданий для партийно-хозяйственной номенклатуры среднего звена. Уже к середине семидесятых жизнь в доме хрущевской постройки перестала быть столь притягательной: появились лучшие, более простые квартиры. Для части информантов, сделавших в советское время неплохую карьеру, квартира в пятиэтажках Западной поляны оказалась промежуточной остановкой на пути от коммуналки к добротному номенклатурному жилью в центре города. Однако многие остались здесь навсегда, предопределив для себя границы вертикальной мобильности.

Культуролог К. Кобрин сравнивает позднесоветское время с викторианской эпохой Англии и называет этот период «позднесоветским викторианством» [Кобрин, 2007]. И если сравнивать ординарную застройку поздневикторианской Англии и кирпичные четырех-пятиэтажные дома Западной Поляны, то между ними можно проводить параллели, относящиеся не к качеству строительства или архитектурным решениям, но к атмосфере пространства. Во-первых, и там и здесь это жилье создавалось для крепкого среднего класса, и при всех социокультурных различиях между кастой британских буржуа и профессионалов и немного призрачной советской отпетельной интеллигенцией, в этом жилье есть некоторая основательность, соответствующая настрою на обретение достойного качества жизни. Во-вторых, фактура серого силикатного и красно-желтого кирпича Западной Поляны и red brick британских районов заставляет зрение настраиваться на общий формат, несмотря на видимые различия в качестве кирпичной кладки. В-третьих, и в том, и в другом случае эта скромная архитектура соизмерима с человеком. Кирпичные пятиэтажки Западной Поляны вовсе не выглядят уныло на фоне своих панельных собратьев, там даже есть некоторые намеки на декор, и так же, как и в викторианских домах, сдержанность сочетается со стилем.

Еще следует подчеркнуть, что эти сравнения отсылают к схожести впечатлений, а не архитектурных решений. И если бы западнополянские пятиэтажки своевременно ремонтировались, то и сегодня они могли производить впечатление скромного, но достойного жилья. Но превращение района Западной Поляны в благополучный район среднего класса не состоялось: состарившиеся жители, подрастерявшие былой оптимизм и задор в застойное время, прототипы героев ранних Стругацких получили последний удар в начале

«Это был интеллигентный район...»

1990-х годов, когда лавинообразный распад системы НИИ привел к уничтожению среды обитания советской интеллигенции:

В 70-х было ожидание, что Западная станет замечательным, благоустроенным, образцовым районом, «городом будущего»: цивилизация рядом с природой. Западная – своего рода символ несбывшейся мечты шестидесятых. Тогда думали, что всё лучшее впереди, что вся неустроенность временна. Увы (Л. Рассказова, музейный работник).

Дряхлеющие районы оттепельной застройки, разбросанные по всем городам бывшего СССР, становятся где-то действующим, а где-то уже заброшенным памятником последней попытке советской системы совершить прорыв в будущее: так, наверное, выглядели бы оставленные колонистами поселения землян коммунистического будущего на других планетах. Впрочем, пока существуют воспоминания участников событий, флора и фауна истории еще не совсем поглотила пятиэтажки, поскольку есть, кому рассказать о жизни последних оптимистов советского режима – интеллигенции шестидесятых.

Интеллигентское сообщество

Рефреном воспоминаний большинства информантов является указание на то, что Западная Поляна исходно выросла как «интеллигентский район». Этому способствовало несколько факторов. В первую очередь само территориальное расположение района обусловило социальный состав жителей Западной Поляны. На территории, примыкающей к району, расположились кампусы старейших пензенских вузов – Политеха (сейчас Пензенского государственного университета), Педагогического института (теперь педагогического университета), а также Пензенского артиллерийского училища. Во второй половине 1950-х все три вуза активно расширялись и остро нуждались в научно-педагогических кадрах, поскольку Пенза никогда ранее не была центром науки и высшего образования. Приток новых преподавателей обеспечивался, в том числе за счет предоставления им отдельных новых квартир в строящемся микрорайоне. Для многих это было первое «свое» жилье с удобствами. Вот как описывает своих соседей по дому на Западной Поляне сын первого в Пензе доктора экономических наук, крупный бизнесмен А. Андреев:

В Архангельске жили в квартире на первом этаже, с печным отоплением. И когда приехали в Пензу, словно попали в другую цивилизацию: третий этаж, балкон, централизованное отопление, колонка, горячая вода. В доме жили и вузовские, и военные, и сносчики ¹. Сверху – подполковник Ю.Л. Щигорец, старший преподаватель артучилища... В нашем же доме, в первом подъезде, жил Б.Р. Езерский, он долгое время заведовал кафедрой иностранного языка Политеха. На Мира, 6 жил Н.И. Гордиенко – доктор наук, профессор, заведовал кафедрой теоретической механики политехнического института (А. Андреев, банкир).

Конец 1950-х гг. – время создания системы научно-исследовательских институтов, многие из которых расположились в Пензе и остро нуждались в инженерах-конструкторах, а поэтому молодым специалистам, приехавшим на работу в «ящики», почти сразу выделялись квартиры в новом западнополянском районе:

На звание интеллигентского района Западная Поляна претендовала по праву. Все-таки большинство жителей были инженерами разных НИИ, да даже и рабочие, станочники, сварщики, которые работали в цехах тех же НИИ, – это была рабочая интеллигенция. Пролетариата было гораздо меньше, чем в других районах, и он был расселен буквально в нескольких домах (Д. Мануйлова, преподаватель философии).

На Западной Поляне построили несколько домов. Строили на паях два-три института. На Ленинградской, 1 первый подъезд и половина второго принадлежали ПНИЭИ, а другая половина второго, третий и четвертый – НИИВТ. Дома на Попова, 22 и на Ленинградской, 2 заселили сотрудники ПНИЭИ и «Эры» (В. Битюцкий, инженер).

Анализ интервью показывает, что первые жители Западной Поляны акцентируют внимание на особых взаимоотношениях между жителями района – искренностью, открытостью, совместным досугом. Исследователи советского прошлого отмечают противоречивую роль массового строительства в производстве частного и публичного. С одной стороны, вселение в отдельные квартиры

¹ Термин «сносчики» нередко упоминается в исследуемых нарративах и на языке локального сообщества обозначает тех, кто получал отдельную квартиру после сноса ветхого и индивидуального жилья.

«Это был интеллигентный район...»

стало революцией в повседневной жизни миллионов граждан СССР, впервые избавив их от вынужденного коммунального быта, где отсутствовало приватное как пространство частной жизни, неподвластное всевидящему оку государства: «ясно было, что и приватное наше — маленькое, суженное до комнатенки в коммуналке, а то и до коечки, если не шконки. Потом стало полегче, приватное разрослось до двухкомнатной в пятиэтажке» [См. Левинсон, 2009]. И, возможно, само по себе расширение приватного привело к деградации идеологического и репрессивного контроля за всеми сторонами жизни советских граждан:

Из пространства отдельной квартиры горожане 1960-1980-х годов уже могли критически оценивать пространство публичное, властное, зависимость от которого становилась все более опосредованной. Родившиеся в 1960-х и последующих годах пермяки, выросшие в «хрущевках» и «брежневках», получившие приличное образование и усвоившие вполне «западную» систему потребностей, могли бы стать тем самым «непоротым поколением» - первым поколением настоящих горожан [См. Кабацков, Казанков, 2010].

С другой стороны, типовая пятиэтажная застройка перевела публичное на уровень подъезда и двора, когда «приватное пространство счастливых обладателей отдельных квартир в многочисленных новостройках отгораживается от универсально-всеобщего лишь тонкой дверью» [Горин, 2008]. И в этой ситуации «промежуточное пространство подъездов и дворов неизбежно превращается в маргинальное» [Горин, 2008], становясь пристанищем алкоголиков и других персонажей теневой стороны советского мира. Только с самого недавнего времени, вместе с появлением института консьержей и попыток самостоятельного управления своим подъездом в новостройках бизнес-класса, возникают признаки возрождения соседских сообществ. Впрочем, в случае пензенской Западной Поляны в ранние 1960-е годы произошел расцвет соседских сообществ, основанных на общих профессиональных, культурных, возрастных интересах, сменившийся их распадом в поздние 1970-е годы, когда страна стала стремительно деколлективизироваться. О расцвете соседского сообщества информанты вспоминают с заметной ностальгией:

Споры на инженерских кухнях 60-х об искусственном интеллекте – самая модная тогда была тема. Другие были запросы и амбиции у тогдашней интеллигенции. Главным для неё был не быт, а работа. Что-то было во всех этих отношениях домаш-

нее, непосредственное, раскованное, бескорыстное, без двойного дна. Дружба по принципу статуса, у кого какая машина или мебель – это пришло уже в 80-х (Д. Мануйлова, преподаватель философии).

Вообще, на Западной Поляне люди дружно жили. В волейбол в лесу играли, зарядку выскакивали вместе делать во дворе. Все были молоды, все работали в одних и тех же НИИ. Первые западнополянцы – это, в первую очередь, инженеры (А. Рыков, руководитель СМУ, строившего район).

Общались вне работы. Зимой ходили на лыжах. А летом любимым занятием было замариновать барашка, взять бутылочку сухого вина, пойти в лес, на поляночку, пожарить шашлык, искупаться на прудах где-нибудь в районе совхоз-техникума (Б. Виноградов, инженер).

Действительно ли интеллигентский мир Западной Поляны жил такой безоблачной жизнью? Большинство информантов делятся позитивными воспоминаниями о советском прошлом, сетуя лишь на неудобства, связанные с отсутствием благоустройства в районе первых лет его существования и товарным дефицитом. Между тем, в нарративах встречаются упоминания и о проблемах, которые становились более острыми к концу советской эпохи – антисемитизме, пьянстве, постепенной деградации офицерства:

Антисемитизм время от времени прорывался, бытовой в основном. Пара соседей в доме были, как я сегодня понимаю, явно настроены антисемитски, но «прорывов» в отношении себя я помню буквально два-три, и те сопровождались старательными извинениями со стороны родителей обидчиков. В целом же национальная составляющая для меня и моего школьного окружения была, очевидно, несущественной, так это запомнилось. С годами антисемитизм становился более ощутимым, но я всегда дружил с людьми интеллигентными, в этом кругу мы оценивали друг друга не по национальному признаку (З. Фрайман, журналист).

Я вырос в раю – в военном городке. Тут у всех были несметные деньги. Все хвастались купленными гарнитурами, шубами. Спесь цвела: папахи, шляпы, важные проходы с «приемов» и «праздничных концертов», посещение театра. Правда, полковник в полной форме в грязной луже – тоже было обычным

явлением: как же – День артиллерии!» (С. Ульянов, внук первого начальника Пензенского артиллерийского училища).

И все же в сознании участников медиапроекта Западная Поляна в первую очередь является районом с относительно более высоким уровнем культуры, особыми соседскими отношениями и воспоминаниями о коротком расцвете советской интеллигенции в период оттепели. Никто из информантов старшего поколения не упоминает о диссидентских практиках или даже разговорах о политической ситуации в стране: вполне возможно они были последним искренним поколением советских людей, которое испытывало детскую радость от получения первой отдельной квартиры и увлекательной работы в «ящике». Начиная с 1970-х годов, подростки дети первых жителей Западной Поляны постепенно уходят из советского мира. Увлечение западной рок-музыкой, поиск заработков, исключая жесткий контроль системы, фарцовка, алкоголизм – всё это, безусловно, не являлось формами политического протеста, столь непопулярного в поволжском провинциальном центре, скорее это стало тактикой уклонения от административного и идеологического влияния стремительно дряхлеющей, но всё еще живой системы. Впрочем, траектории этой тихой миграции в частное находились во все той же логике действия разочарованной советской интеллигенции, которая в конце 1970-х годов, подобно вампиловскому Зилу в исполнении О. Даля¹, перестала радоваться получению новой квартиры в пятиэтажке:

Под нами в такой же двухкомнатной квартире № 12 жил Саша Спасский, он был на несколько лет старше. Отец у него работал преподавателем в политехе, мама – экономистом на заводе. Поскольку стены у нас были, то ли фанерные, то ли картонные, то мое первое приобщение к музыке получилось именно благодаря Саше. У него был кассетный магнитофон, и году в 1973-74 я впервые услышал «Deep Purple», «Nazareth», «Beatles», хотя тогда еще и не знал, кто это такие. А потом, когда началась эпоха винила, щели приоткрылись более масштабно, мы переписывали диски «АВВА», Демис Руссос. Помню, как таскался к Спасским с магнитофоном (Д. Кусков, радиожурналист).

¹ Речь идет о двухсерийном художественном телефильме «Отпуск в сентябре» (1979 год, Ленфильм, реж.В. Мельников), снятом по мотивам пьесы Александра Вампилова «Утиная охота»(1967 год).

Анализ нарративов жителей Западной Поляны показывает, что этот район в какой-то момент стал микромоделью заповедника советской интеллигенции, поскольку там почти в репрезентативном виде оказались представленными её основные подгруппы: от журналистов местного телерадиоцентра, преподавателей вузов, инженеров засекреченных НИИ, врачей городской больницы до управленцев среднего звена и офицеров, работавших в артиллерийском училище. Тем более, и телерадиоцентр, и вузовские кампусы, и военный городок, и институтские корпуса располагались неподалеку, образуя, по сути, общее пространство. Впрочем, по своему тонкая советская жилищная политика стремилась минимизировать риски геттоизации, стараясь преодолеть естественное стремление представителей различных классов жить в социально-близкой социальной среде. Поэтому жилье распределялось таким образом, что даже в номенклатурных домах получали квартиры рабочие-передовики. Информанты старшего возраста, поселившиеся на Западной, будучи молодыми специалистами, не обращают внимание на «классовые различия», тогда как для их детей, встречавшихся со своими сверстниками из других социальных групп в школе и во дворе, это неравенство нередко становилось болезненным опытом:

Первый квадрат ¹ на нечетной стороне Мира, например, был такой пролетарский, там еще общага строителей была. Люди серьезные жили: и тетки хорошо дрались с мужьями, и многие потом оттуда садились по малолетке. Квартиры на Западной, опять-таки, давали не всем подряд рабочим, а только лучшим, ударникам. Другой вопрос, что строителями-то они, к примеру, были хорошими, но при этом – жуткими пьяницами. И порой в двухкомнатной квартире ударника были только один стул, одна табуретка и одна кровать без матраса. А жили здесь муж, жена и двое детей. Люди пропивали всё. Получали зарплату, 2-3 дня гудёж на глазах детей, а потом на работу, в фуфайке, класть кирпичи на той же Западной (Д. Мануйлова, преподаватель философии).

И всё же для большинства жителей Пензы Западная Поляна остается по-прежнему удаленным от центра города районом и, отчасти, заповедником интеллигенции.

¹ В локальной неофициальной топонимике жителей Западной Поляны «квадратами» назвалось дворовое пространство, ограниченное 3-4-мя домами поставленными под углом 90 градусов друг к другу.

Заключение

Представленный выше пример анализа ностальгических нарративов жителей района Западной Поляны г. Пензы вполне может быть объектом критики сторонников строгого исторического метода, для которых социальная память часто ассоциируется с мифотворчеством [пример исторической критики см.: Kansteiner, 2002. P. 179-197].

Проект является медийным и отражает моду на локальное краеведение, затрагивающее коммеморацию советского прошлого. Границы между личными воспоминаниями и коллективной памятью размыты, а сам способ отбора информантов и репрезентации их нарративов наводит на мысль о конструкционистских намерениях авторов проекта – создать миф об «интеллигентском заповеднике». Между тем, коллективная память о шестидесятых, тесно переплетенная с интеллигентской мифологией и воспоминаниями о «жилищной революции», выходит далеко за пределы локальных сообществ, поэтому рассказы жителей Западной Поляны следует принимать во внимание в самых разных контекстах: в политическом, поскольку недавнее советское прошлое до сих пор является предметом острых политических дискуссий, участники которых стремятся увидеть в прошлом настоящее и будущее страны. В историческом – 1960-1980-е годы казались столь близким и знакомым временем, что знание о течении жизни обычных граждан казалось тем банализированным common sense, которое не требовало специального внимания за исключением ярких политических событий: от введения войск в Чехословакию до введения войск в Афганистан и перестановок в ЦК КПСС. Между тем, чем дальше мы уходим от оттепели и застоя, тем яснее становится необходимость исследовательской работы с советской повседневностью, многие практики, понятия и правила которой становятся непонятными без обращения к устной истории. Социологический контекст важен, поскольку работа с нарративами позволит нам понять механизмы производства и воспроизводства истории, а также формы памяти, включая утопические модели восприятия прошлого как «прекрасного далека».

Список сокращений:

ПНИЭИ – Пензенский научно-исследовательский электротехнический институт, создан в 1958 году как дублер Московского научно-исследовательского института автоматики (НИИ-2). На протяжении всей истории вел засекреченные разработки для нужд ВПК. Сайт института <http://pniei-penza.ru>.

НИИВТ — Научно-исследовательский институт вычислительной техники (НИИВТ) в Пензе — предприятие-разработчик средств вычислительной техники различной назначения в системе Министерства радиопромышленности СССР. Организован в 1958 году как «Предприятие п/я 51». При НИИВТ осуществлялись оригинальные разработки в области архитектуры вычислительной техники и ЭВМ как гражданского, так и военного предназначения.

НИИЭМП — Пензенский научно-исследовательский институт электронно-механических приборов основан в январе 1959 года в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР №1315-633 от 3 декабря 1958 года «О мерах по развитию специализированного производства и научно-производственной базы по радиодеталям». Занимается разработкой и выпуском резисторов и высокочастотных вакуумных коммутирующих устройств и конденсаторов. Сайт института: <http://www.niiemp.ru>.

Список использованных источников

Абрамов Р. Западнополянский форпост урбанизации // Улица Московская. Еженедельная газета, июль 2011, №400 // http://www.ym-penza.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=3090:-400-&catid=35:-.

Архитектура от Сталина до Хрущева. Интервью Г. Ревзина в программе «Дорогой наш Никита Сергеевич»//радио «Эхо Москвы», Воскресенье, 20.06.2010. Транскрипт см. <http://www.echo.msk.ru/programs/hrushev/687897-echo>.

Балла-Гертман О. Из черновиков 2002 года: к истории советского быта // Блог Ольги Балла-Гертман, запись 12 ноября 2006 // <http://yettergjart.livejournal.com/132071.html>.

Борисенко Д. Последние дни панельной пятиэтажки. Неизгладимые воспоминания очевидца // Русская жизнь, 26 октября 2007.

Гладарев Б. Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общности из духа города // От общественного к публичному / Под ред. О.В. Хархордина. СПб: Издательство ЕУ в СПб, 2011. С. 69-304.

Гладарев Б., Карпенко О., Цинман Ж., Чикадзе Е. Краеведение и гражданское общество: социологические наблюдения // Краеведение и гражданское общество/Под ред. О. Карпенко и Е. Чикадзе. СПб.: изд-во журнала «Звезда», 2004. С. 9-104.

Горин Д. Теневые пространства советского общества: "Бриллиантовая рука" в социальных контекстах 1968 года // Неприкосновенный запас, 2008, №4 (60). С. 181-190.

Даньшин В. Музей Пятиэтажек//Строительная газета 2007, №12 (23.03.2007).

Кабачков А.Н., Казанков А.И. Новая жизнь советского города // Мир России. 2010. № 2. С. 131-147.

Каганский В. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: НЛО, 2001.

Кобрин К. Человек брежневской эпохи на Бейкер-стрит. К постановке проблемы "позднесоветского викторианства" // Неприкосновенный запас, 2007, №3. С. 147-160.

- Лебина Н.* Ленинградец в «гаванне» // Родина 2003, №1. С. 160-165
- Левинсон А.* Предварительные размышления о приватном // Новое литературное обозрение, 2009, №100.
- Максимова Т.* Я родом из «хрущевки» // Родина, 2006. № 8. С. 19-20
- Немцев М.* Ориентация на местности. 14 фрагментов. Вместо редакционной статьи // 60-я параллель. Журнал о культурной политике и гуманитарных практиках, 2010, октябрь, №3(38).
- Парфенов Л.* Намедни. 1961-1970. Наша эра. М.: КоЛибри, 2009.
- Рождественская Е., Семенова В.* Социальная память как объект социологического изучения // INTER. 2011. №6. С. 27-48.
- Северяне.* Сайт памяти Бескудниковской железной дороги. Создан 23 апреля 2004 года // <http://www.noorderlingen.org>.
- Соколов А.В.* Два поколения советской интеллигенции: шестидесятники и восьмидесятники // Мир России, 2007. №3. С.74-111.
- Теннис Ф.* Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб: Даль, 2002.
- Торба А.* Обновленный ДСК – реальная возможность для решения жилищной проблемы // Строительная газета, 2009, № 50.
- Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007.
- Bloch M.* Memoire collective, tradition et coutume: A propos d'un livre recent // Revue de synthese, 1925, №40. P.73-83.
- Davis F.* Yearning for yesterday. New York: Macmillan, 1979.
- Erikson E.* Identity and the Life Cycle. New York: Norton, 1959.
- Kansteiner W.* Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies // History and Theory, Vol. 41, No. 2 (May, 2002). P. 179-197.
- Olick J. K., Robbins J.* Social Memory Studies: From «Collective Memory» to the Historical Sociology of Mnemonic // Annual Review of Sociology, Vol. 24 (1998). P. 105-140.
- Sturkin M.* Tangled Memories. The Vietnam War, The Aids Epidemic, and the Politics of Remembering. Berkeley: Univ. Calif. Press, 1997.